

Борис Инфантьев

Малоизвестные страницы жизни и деятельности Кришьяна Валдемара

Жизнь и творческая (общественно-политическая, журналистская и литературная) деятельность вождя «младолатышей» Кришьяна Валдемара сравнительно хорошо изучены латышскими историками и литературоведами, экономистами и политологами. И все же некоторые аспекты его бурной, многогранной деятельности освещены, на наш взгляд, совершенно недостаточно. Хотя затронутые нами в этой статье проблемы ждут своего объективного и беспристрастного изучения, все же и теперь мы можем поделиться некоторыми малоизвестными или хорошо забытыми фактами.

1. Кришьян Валдемар и Владимир Ламанский

Одним из таких контактов Кришьяна Валдемара являются его связи с Императорским Географическим обществом в Петербурге, его Этнографическим отделением и руководителем этого отделения профессором Петербургского университета, исследователем истории славянских народов, руководителем и идейным вдохновителем петербургских панславистов Владимиром Ивановичем Ламанским, всю свою публицистическую и научную деятельность посвятившем защите поработенных славян, чехов и словаков, болгар и сербов, хорватов и лужичан, от их поработителей – немцев и турок.

Контакты Кришьяна Валдемара с Географическим обществом установились вскоре после появления вождя младолатышей в Петербурге.

С императорским Географическим обществом Кришьяна Валдемара роднило многое. И с его главой, членом императорской фамилии великим князем Константином Николаевичем, руководителем Морского ведомства, издателем «Морского сборника», в котором к тому времени основной проблемой обсуждения стало создание российского торгового флота, привлечение к мореходству юношей, проживающих на побережьях, омывающих Россию морей. Среди руководителей общества – весь цвет российского интеллектуального потенциала, прославленные мореплаватели граф Ф.П. Литке (он же в свое время был воспитателем Константина Николаевича), Ф.П. Врангель, И.Ф. Крузенштерн, П.П. Семенов Тянь-Шанский, академик А.И. Шегрен, исследователь этнографии ливов, литературоведы Л.Н. Майков, П.Н. Полевой, писатель Д.Л. Мордовцев, искусствовед В.В. Стасов...

Великий князь Константин Николаевич был известен как ярый противник остзейских самобытностей. Как в свое время свидетельствовали Р. Стаэль фон Голштейн и А. Тобин¹, на одном из заседаний комиссии по судебной реформе им было высказано такое суждение: «Немецкий элемент нужно задуть с помощью эсто-латышских

национальных элементов»². Великому князю, конечно же, были хорошо известны факты, сопровождавшие Валдемара повсеместно как недоброжелателя остзейских порядков. И, очевидно, именно это обстоятельство, а также и деловые публикации Валдемара в петербургской периодике, в том числе и в «Морском сборнике», заставило Великого князя потребовать откомандирования молодого чиновника в его распоряжение.

Близким к кружку Великого князя был также другой активный сотрудник и Географического общества и «Морского сборника» капитан I ранга (впоследствии вице-адмирал) Андрей Васильевич Фрейганг. Как оказалось, в начале 60-х годов он также стал противником остзейской обособленности и личным другом Кришьяна Валдемара.

В одной из своих статей этого периода А. Фрейганг писал о предполагаемой валдемаровской газете «Pēterburgas Avīzes»:

– Газете не совсем по сердцу одной немецкой партии, которая из личных своих видов очень не рада ее появлению. Этой партии гораздо выгоднее, чтобы к латышам не проникали лучи просвещения, и поэтому очень натурально, что она всеми силами старается показать бесполезность и даже вред такого издания. Может быть, благодаря действиям и интригам этой партии новая газета не будет иметь возможности затронуть и коснуться некоторых важных вопросов гражданского быта латышей, может быть ей и придется ограничиться пределами более тесными, чем того желала бы редакция. Как бы то ни было, мы совершенно убеждены в огромной пользе, которую «Pēterburgas Avīzes» доставит своим многочисленным читателям. Степень негодования, возбуждаемая в известной партии новой газетой, может служить отличным доказательством и мерилом достоинства этой последней»³.

И опять через непродолжительное время в той же газете А. Фрейганг писал: «Однако, по-видимому, сами латыши думают совсем не так; они понимают важность самостоятельного развития и вовсе не расположены чуждаться своей национальности»⁴.

Примечательно одно обстоятельство: ни Константин Николаевич, ни Андрей Фрейганг ни слова не знали по-латышски, с Валдемаром их связывало, собственно говоря, одно – организация российского торгового флота.

Откуда же такая любовь, такое уважение к газете «Pēterburgas Avīzes»? Разумеется, личная приязнь, уважение к Валдемару в доказательствах не нуждается.

Как явствует из сообщений библиотеки Общества о полученных изданиях⁵, уже с 1862 года туда поступают присланные Валдемаром его публикации по вопросам развития российского торгового мореходства и торговли России. И как раз в это время, то есть в 1862 году, в Этногра-

фическом Отделении Императорского Географического общества вновь после длительного, почти двадцатилетнего перерыва поднимается вопрос о необходимости организации новой этнографической экспедиции на территорию латышей. Что эти идеи появились не без воздействия Валдемара, свидетельствует то обстоятельство, что поручить собирание этнографического материала о латышах предполагалось ближайшему сотруднику и единомышленнику Валдемара – Кришьяну Барону.

Но оказалось: Кришьян Барон находится под наблюдением остзейской полиции и его появление в Прибалтике, да еще обличенного заданием Императорского Географического общества невозможно⁶.

Сотрудничество Валдемара с Географическим обществом становится особенно активным в 1865 году. К этому времени из-за происков остзейских пасторов и «литератов» терпит крах целый ряд начинаний Валдемара: издание в Петербурге независимой от остзейских властей латышской газеты «Pēterburgas Avīzes» приходится приостановить; переселение малоземельных и безземельных крестьян из Курляндии в приобретенное Валдемаром в Новгородской губернии имение из-за недостаточной информации, проникновение которой к латышам тормозили те же пасторы и «литераты», превращается в трагедию для многих латышей. Рижские и митавские немецкие газеты обвиняют Валдемара чуть ли не в мошенничестве, требуют отдать его под суд. Известный литературовед и фольклорист Анна Берзкалне еще в начале 50-х годов высказывала автору этой статьи предположение, что именно сложившаяся ситуация заставила Валдемара искать более сильных покровителей среди членов Географического общества. Ведь его председателем был член императорской фамилии – Великий князь Константин, среди действительных членов известные всему миру ученые и литераторы.

Предположительно, стать действительным членом Императорского общества Валдемару посоветовали его товарищи по экономическим занятиям, действительные члены общества – гидрограф, исследователь Каспийского и Балтийского морей, контр-адмирал Николай Александрович Ивашинцев (1819–1871) и ориенталист Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904). Они же и стали поручителями при поступлении Валдемара в Географическое общество.

Принятие же Валдемара в Географическое общество Ламанский использовал для широкой и обстоятельной пропаганды панславистских идей, основной тезис которых был «слияние славянских ручейков (в том числе и латышского) в великом славяно-русском море». На собрании Этнографического отделения 29 января 1865 года В. Ламанский выступил с пространной речью о задачах русской этнографии⁷. Она заключается в исследовании всех, населяющих Россию народностей, их взаимоотношений, отношения к русской народности. В качестве ближайших мероприятий Этнографического отделения его руководитель назвал изучение этнографии литовцев и латышей, их отношения к полякам и немцам, с одной, к русским, с другой стороны. Такие исследования помогут оградить литовцев и латышей от ополячивания в Литве и Польше, от онемечивания в Прибалтийских губерниях. На этом же заседании выступили и другие члены Этнографического отделения.

Действительный член общества А. Махвич-Мацкевич обратил внимание присутствующих на противостояние латышских крестьян с немецкими помещиками, на недостатки латышских училищ, где слабо изучается русский язык, в силу чего они не могут остановить германизацию латышей. При сообщении присутствовали 23 члена Этнографического отделения, в том числе искусствовед В. Стасов, писатель Д. Мордовцев, этнограф, известный собиратель былин А. Гильфердинг и многие другие деятели русской культуры. Конспекты их речей были опубликованы в Известиях общества и явились, таким образом, программой дальнейшего сотрудничества русофильски настроенных латышей и литовцев с русскими славянофилами и панславистами. Одновременно эти материалы разъясняли платформу их сотрудничества в области этнографии и фольклористики.

3 февраля кандидатура Валдемара была представлена к голосованию⁸, а 3 марта он избран в действительные члены на общем собрании Географического общества⁹.

Первый раз Валдемар в качестве полноправного члена присутствовал на заседании Этнографического отделения 12 марта. Присутствие его дало повод Ламанскому и другим членам общества в пространных речах обрушиться на изъяны в немецко-латышских отношениях в общественной и культурной жизни.

Ламанский снова порадовался установлению непосредственных контактов с латышами. Резкой критике подверг он отношение прежней русской этнографии к народам, населяющим Россию, в результате чего «густым туманом застигались от русской науки целые страны и народы, с которыми русские ученые знакомились и о которых судили по чужим, пристрастным описаниям. Как прежде Болгарию, Венгрию, Чехию, Литву русские ученые считали греческой, мадьярской, немецкой, польской землями, так точно и прибалтийские губернии почитались землею немецкой. Это ложное представление проистекало из тех же причин, как и ложные понятия о славянских землях Турции и Австро-Венгрии или о Западной России. Русские ученые не знакомились прямо и непосредственно с коренным населением Прибалтийского края, с эстами и латышами, довольствовались сведениями и отзывами о них прибалтийских немцев. Свою речь Ламанский завершил следующими словами: «Одинаково благосклонные ко всем народам без исключения, всем равно желая блага, мы, русские, должны строго блюсти, чтобы и народы в их взаимоотношениях строго руководствовались началами справедливости. Прямо не вредя латышам, мы, русские, слишком долго были несправедливы к ним, напрасно полагаясь на чужие о них свидетельства, не свободные от феодально-сословных и племенных предрассудков и напоминающие отзыв германских немцев о покоренных ими славянах. Приветствуя в г-не Валдемаре возрождение целой народности, столь близкой нам по происхождению и столь важной для нас в гражданском отношении, пожелаем, чтобы латыши побольше посылали России таких полезных деятелей»¹⁰.

Эта речь Ламанского явилась продолжением, конкретизацией его первой программной речи. Если первая была только теоретическим изложением основ сотрудничества славянофилов и младолатышей, то на этот раз теоретическая платформа обретала конкретные очертания. Выступле-

ние Ламанского было дополнено чтением записок слепого крестьянина-паломника по святым местам Ширяева. Записки прочитал член общества историк М. Семевский. Слушая повествования Ширяева, посетившего Ригу и удивленного угнетенным положением в этом городе русских и латышских ремесленников, «слушатели, как было записано в протоколе заседания, несколько раз изъясляли неудовольствие: «Что за привилегии! Как же они терпимы! Это чистый произвол!»¹¹

К сказанному следует еще добавить, что на этом заседании присутствовало 37 членов Этнографического отделения, среди них: историки П. Бобровский, М. Коялович, А. Артемьев, В. Богуславский, С. Елагин, языковеды Г. Дестунис, И. Срезневский, литературоведы Л. Майков, П. Полевой, также два представителя движения лужицкого пробуждения и много других, известных в гуманитарных и точных науках лиц.

Полный протокол собрания был напечатан помимо Известий Географического общества в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁹, в «Виленском вестнике»¹², в аксаковской газете «День»¹³. Получившие широкую огласку события не могли пройти незамеченными и в правительственных кругах. Министр внутренних дел А. Валуев (тот самый Валуев, которому в свое время Валдемар как знающего и умного администратора рекомендовал князь А.А. Суворов) председателю Географического общества указал на непозволительность событий, имевших место на заседании Этнографического отделения 12 марта 1865 года.¹⁴ В ответном письме граф Э. Литке должен был признать: «...убедясь из самих объяснений г-на Ламанского, что в Отделении этнографии происходили чтения и рассуждения, не вполне соответствующие назначению Общества, Совет журнальным постановлением положил просить всех г.г. председательствующих в отделениях обратить внимание на то, чтобы чтения, суждения и прения в отделениях не выходили из круга предметов, составляющих прямую задачу общества»¹⁵.

События начала 1865 года привлекли внимание этнографов и общественно-политических деятелей и в Вильне, где суждено было через несколько лет увидеть свет первому сборнику латышских народных песен, составленному «природным латышом» Янисом Спрогисом, и в Москве, где по инициативе единомышленников Ламанского профессора Московского университета Нила Попова, мецената Василия Дашкова и сотрудника Валдемара, Бривземника, удалось организовать систему планомерного и целенаправленного собирания латышского фольклора, приведшего, в конечном счете, к созданию фундаментальных сборников латышских народных песен, пословиц, поговорок, загадок, заговоров, сказок и преданий, чем латыши с полным правом гордятся и по сей день.

Сотрудничество же Валдемара с русскими научными и общественно-политическими силами в Москве, начиная с 1865 года, приняло иной, остро политический характер.

В 1867 году в связи с переселением в Москву Валдемар сложил с себя звание действительного члена общества. Но со своими друзьями и покровителями из состава его членов вождь младолатышей постоянных контактов не прерывал.

В 1866 году в Известиях Географического общества

появилось объявление «О конкурсе на темы, заданные Обществом любителей естествознания, состоящем при Московском университете»¹⁶. Среди тем конкурса была следующая: «История этнографических исследований, касающихся племен, населяющих Россию». Задачи исследования этой темы пояснялись так: «Желательно, чтобы при этом исследовании была представлена и библиография по возможности полная, т.е. перечень этнографических сочинений и журнальных статей с указанием содержания книг, наиболее замечательных, и рецензий о них, карт и материалов, касающихся этнографии России и каталогов, существующих в России этнографических собраний».

Петербургские этнографы к этому разъяснению москвичей тут же присовокупили:

«Считаем долгом обратить особое внимание наших читателей на приложенное к настоящей книге Известий объявление о конкурсе... Подобные сочинения должны будут служить исходной точкою для будущих деятелей на том же поприще. Для того, чтобы с успехом заниматься каким-либо научным предметом, необходимо, прежде всего, познакомиться с тем, что уже было сделано по этой отрасли».

За такого рода работу Валдемар посоветовал взяться Кришьяну Барону, который исследование завершил в 1867 году.

По предложению Валдемара и начинающего латышского этнографа Юлия Кузнецова (Калейса)¹⁷, сына переселившегося в Псковскую губернию латышского крестьянина, решено было исследование печатать отдельным приложение к Известиям Географического общества с 300 оттисками для автора, которые предполагалось использовать в пропагандистской деятельности младолатышей, так как работа, – писал Ю. Кузнецов-Калейс, – «для всякого, интересующегося вопросами края, имеет большое значение»¹⁸.

И действительно, Валдемар не преминул воспользоваться этой библиографией, как только получил известие о том, что работа напечатана. «Мне этот труд теперь может быть весьма полезен», – писал он Владимиру Ламанскому в Петербург с просьбой выслать книгу Кр. Барона «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края» (Записки ИРГО, 1869)¹⁹.

Не получив по каким-то причинам это издание, Валдемар сам отправляется в Петербург за оттисками. Свидетельство тому записка Ламанского²⁰ и ответ последнего²¹, по сей день сохранившиеся в петербургских архивах.

Сотрудничество Валдемара и Ламанского, проявившееся в ряде акций, предпринятых последним для выступления в защиту поработанных немецкими баронами латышских крестьян, неотделима от их совместного выступления. Оно осуществляется одновременно, также в 1865 году – защита от инсинуаций тех же остзейских «литератов» другого младолатыша, единомышленника и соратника Валдемара – Каспара Биезбардиса (или: Безбардиса). Каспар Биезбардис (1806–1886), рижский учитель и активный сотрудник валдемаровских «Pēterburgas Avīzes», за переписку «верноподданнического» адреса латышей императору, в котором требовалось распространение на Остзейский край российского законодательства и замены в делопроизводстве и

школах немецкого языка русским, был выслан в Калужскую губернию. Все попытки облегчить участь изгнанника терпели неудачу, и надежда оставалась единственно на влиятельных славянофилов, противников угнетения немцами славянских народов, к которым в те времена причисляли, хотя и с некоторыми натяжками, латышей.

Ламанский энергично взялся за дело и вскорости в аксаковской газете «День», в «Голосе» и в «Московских ведомостях» опубликовал статью «Господин Безбардис и немцы». По поводу публикации в газете М. Каткова Ламанский 26 октября 1865 года писал своему единомышленнику и соратнику профессору Московского университета Нилу Попову: «Статья М(осковских) В(едомостей) о Безбардисе имело доброе действие. Его тотчас после нее освободили». Далее Ламанский просил московского славянофила: «На днях он будет в Москве. Постарайтесь с ним познакомиться. Для сего напишите ему письмо на имя сына его Владимира Карловича Безбардиса... Он человек очень дельный и может сообщить вам много любопытного».

2. Кришьян Валдемар и Михаил Катков

Сотрудничество Кр. Валдемара с М. Катковым, известным «хозяином» влиятельнейшей в свое время газеты «Московские ведомости», перед которым трепетали министры и придворные вельможи, началось и сразу достигло своего апогея в том же 1865 году и при том же самом деятельном личном участии Владимира Ламанского.

Примечательно, что до 1864 года Остзейский вопрос в этой газете вообще не существует. Первые передовые статьи на эту тему появляются в 1864 году¹. Их всего пока только три, а остальные пять, которые касаются политической жизни в Остзейском крае, затрагивают довольно общие, весьма нейтральные, лишь в незначительной степени достойные полемики вопросы².

Положение резко меняется в 1865 году. Как из рога изобилия сыпятся статьи, очерки, заметки, информации об Остзейском крае. Одних передовиц в этом году, зачисленных в реестр передовиц в разделе «Прибалтийский край», насчитывается 28. Резко меняется тематика, до этого года довольно миролюбивая. Назовем некоторые наиболее эффективные: «По поводу статьи «Голоса» о русском языке в Риге. Смысл так называемых нападков на остзейские губернии». (№ 23), «Полемическая статья против «Рижской газеты» (№ 111), «Пробуждение и образ действий русской и остзейской печати во взаимной полемике (№ 115), «Характер деятельности «Московских ведомостей» по остзейскому вопросу» (№ 230А), «Единство между верховною властью и народом. Остзейский сепаратизм» (№ 284А).

В этом же году появляется девять «Рижских писем» Кр. Валдемара, публикуемых с 5 февраля (№ 29) по 6 мая (№ 98), разумеется, без имени автора. Каждое из этих писем занимает не менее одного печатного листа. О том, какое значение Катков придавал печатанию этих писем, читаем в передовице от 13 апреля (№ 79): «Просим читателей обратить внимание на факты, изложенные в напечатанных ниже «Рижских письмах», особенно в конце его. Эти факты могут служить лучшим объяснением того, почему русская гласность так нелюба известной части остзейской печати. За уверениями, будто русская печать раздражает страсти, вызывает вражду – полагает семена сепаратическим стремлениям, в большей части случаев кроется лишь опасение, чтобы не была разоблачена истина, неудобная для сведения тех, кому однакож о ней ведать надлежит. Вот главная причина того раздражения, которое возбуждают в окрестностях Риги самые скромные, самые сдержанные отзывы русской печати об остзейских делах. Наша умеренность не ценится, потому что требуется вовсе не умеренность, а совершенное молчание о тамошних «домашних» делах».

О чем же писал Валдемар в своих письмах? О положении латышских крестьян, их взаимоотношениях с помещиками писать и печатать в те годы было весьма опасно: еще не отменено было распоряжение 40-х годов, которое запрещало «раздувать межнациональную и социальную ненависть» между различными слоями населения. Обходили этот запрет только самые отчаянные. Поэтому темой своих рассуждений новый сотрудник «Московских ведомостей» избирает как бы более нейтральную, безобидную тему – историю Рижского магистрата. Но и о сегодняшнем дне этого

¹ Об этом подробнее см. в исследовании С. Исакова «Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов». Ученые записки Тартуского университета, вып. 107. Тарту, 1961, с. 14.

² Там же.

³ А. Васильев. Возникающая латышская литература и ее антагонисты. – «Кронштатский вестник», 1862, 28 сент. № 85.

⁴ «Кронштатский вестник», 1862, 11 ноября, № 104.

⁵ Приложения к отчету о действиях общества. – Отчет о действиях Императорского Российского Географического общества (далее: ИРГО) за 1862 г. СПб. 1863, с. 17–19.

⁶ Журнал заседания комиссии соединенных отделений статистики и этнографии для устройства статистической и этнографической экспедиции в Западнорусский край 10 апреля 1867 года. – Известия ИРГО, 1967, 1, с. 127.

⁷ Журнал заседания Отделения этнографии 29 января 1865 г. – Известия ИРГО, 1865 г., с. 152

⁸ Журнал общего собрания ИРГО 3 февраля 1865 г. – Известия ИРГО, 1865, с. 144.

⁹ Журнал общего собрания ИРГО 3 марта 1865 г. – Известия ИРГО, 1865, с. 159

¹⁰ Журнал заседания Отделения этнографии 12 марта 1865 г. – Известия ИРГО, 1965, 1, с. 211

¹¹ Заседание Этнографического отделения Императорского Географического общества. – «Санкт-Петербургские ведомости», 1865, 14 марта.

¹² То же. – «Виленский вестник», 1965, 22 марта.

¹³ То же. – «День», 1965, 12 июня, № 24.

¹⁴ Берг А. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.Л. 1946, с. 154.

¹⁵ Архив Географического общества в Петербурге. Фонд 1, оп 1, № 10, 1865 г. Публикуется впервые.

¹⁶ Известия ИРГО, 1866, П, № 4. Приложения.

¹⁷ Об инициативе Валдемара свидетельствует письмо Ю. Кузнецова-Калейса к Л. Майкову в Архиве Института русской литературы в Петербурге (далее АИЛ). Фонд: М. 697, с. 17, письмо 9. Публикуется впервые.

¹⁸ Там же. Публикуется впервые.

¹⁹ Архив Академии Наук в Петербурге (далее ААН). Фонд В. Ламанского, 35–1–286. Публикуется впервые.

²⁰ АИЛ, фонд Л. Майкова, м. 718. Публикуется впервые.

²¹ ААН, фонд В. Ламанского, 35-1.

магистрата писать было, разумеется, не совсем безопасно, поэтому автор «Рижских писем» углубляется в историю, более безопасную тему. Но и на протяжении всей истории Рижского магистрата (с XIII века) оказалось так много насилий, незаконий, обманов, несправедливостей, произвола, особенно по отношению к малоимущим, особенно русским и латышам со стороны немецких епископов, орденских магистров, городских патрициев – зажиточных негоциантов и цеховых мастеров, что разоблачительно-го материала накопилось достаточно много.

Тематика «Рижских писем», кратко изложенная в его воспоминаниях может, быть обозначена следующими темами:

1. История Рижского магистрата с самого начала его существования.
2. Борьба Рижского магистрата против любых попыток поколебать его устаревшие установки.
3. Антиправовые поступки Рижского магистрата.
4. Исчисление всех возражений Рижского магистрата против попыток российского правительства приблизить деятельность Рижского магистрата к российским законам.
5. Дополнения к первому письму.
6. История Большой и Малой Гильдий. Их противостояние допуску в свою среду русских и латышей.
7. Выступление Рижского магистрата против русских и латышей.
8. История цехов и профессий в Риге. Дискриминация русских и латышей также в этой области.
9. Устаревшие феодальные порядки взимания налогов.

Взяться за перо Валдемара побудили заметка в 10-м номере «Московских ведомостей», из которой могло составить представление о том, что онемечение латышей в Остзейском крае – очередная миссия «культуртрегерства», осуществляемого немецкими баронами и пасторами, за которое и аборигены, и русское правительство должно быть этим «культуртрегерам» благодарны. Показать, как на самом деле выглядит это «культуртрегерство», ставит перед собой автор анонимных статей, публикуемых в «Московских ведомостях».

Как рассказывает секретарь Валдемара А. Зандбергс³, первое письмо из Риги не предполагалось для печати. Автор, прочитав в «Московских ведомостях» неполную, даже весьма ущербную информацию о том, что, собственно, произошло в столице Лифляндии 28 февраля 1862 года (об этом бегло упоминалось в 10-м номере катковской газеты за 1865 год), откуда и почему Рижский магистрат противился предлагаемым российским правительством новшествам, в чем опрометчивость утверждений магистрата, что Риге не нужны никакие реформы, что для Риги неприемлемо российское гражданское устройство.

Намерение Валдемара обратиться к Каткову с разъяснениями и за помощью, – как свидетельствует его секретарь, – подкрепило то обстоятельство, что установки немецко-остзейских газет стали повторять немецкие петербургские и кое-какие русские газеты. Петербургские русские газеты, – разъясняет ситуацию тех лет А. Зандбергс, большим авторитетом в правительственных кругах не пользовались. Таким авторитетом обладали только

«Московские ведомости», которые после польских волнений 1863 года стали чуть ли не правительственным официозом. Привлечь к себе внимание такой газеты Валдемару казалось исключительно важным делом. Тут, кстати, помог и Владимир Ламанский (о нем Зандбергс в своих воспоминаниях не упоминает!) как своей статьей о приеме Валдемара в Географическое общество, подготовивший благодатную почву для семян, которые в нее собирался посеять сам Валдемар.

Итак, первое валдемаровское «Письмо из Риги» (переключка заглавий с известными самаринскими «Письмами», конечно же, не случайность!) писалось не для печати, а лично для Каткова с целью его ознакомления со своеволиями, неблагоприятными, антизаконными поступками Рижского магистрата. Это ознакомление вылилось в обстоятельное, как всегда у Валдемара, исследование истории Рижского магистрата. Обстоятельное, изобилующее деталями, подробностями, ссылками и логически обоснованными выводами и исключениями поразило редактора «Московских ведомостей», и он тут же решил письмо опубликовать. И не только опубликовать, но в передовой статье соответствующего номера обратить особое внимание читателей на эту публикацию. А Валдемару предложил продолжить серию писем на эту тему в последующих письмах, одновременно с присвоением Валдемару статуса корреспондента влиятельнейшей московской газеты. Последнее обстоятельство намного укрепило общественно-политические позиции Валдемара в еще большей степени, чем поступление его в Императорское Географическое общество.

Вся история Рижского магистрата, – доказывает анонимный автор путем подбора огромного количества хорошо подобранных и аргументированных, подтвержденных ссылками на авторитетные источники, – это история злобного противостояния феодальной верхушки всем стремлениям верховного владычества края – и польским, и шведским, и, наконец, русским, ограничить и защитить давно отжившие феодальные привилегии и порядки, самоуправство и произвол Рижского магистрата, угнетение им низших сословий – мелких торговцев, подмастерий, чернорабочих, в том числе русских и латышей – встречаются остзейскими властью имущими в штыки и, в конечном счете, охранители феодальных политических и административных несуразностей оказываются победителями. И не беда, что в борьбе используются приемы, далекие от общечеловеческих этических норм. «Цель оправдывает средства» – этот принцип лежит в основе политики Рижского магистрата на протяжении столетий.

Чего стоит иллюстрация «высокого морального уровня» преобладающих властей Рижского магистрата, которые заслужили нареkanie самого императора Александра I, высказанное им остзейскому генерал-губернатору Буксхевдену о попытках Рижского магистрата подкупить правительство и самого императора, склонить их в пользу решений, выгодных для рижских патрициев.

Протесты русских купцов и ремесленников против самоуправления и произвола рижских городских властей усиливаются с 20-х годов XIX столетия, и, как правило, оканчиваются безрезультатно. Даже в 60-е годы XIX столетия никакие реформ феодальных порядков Рижский магистрат не допускает. В конце II письма анонимный автор

приводит типичный афоризм рижских властей: «Здесь не хоят ничего русского».

В III-V письмах – факты, факты и факты о том, как «умело» казуистически истолковывали в свою пользу рижские магистраты любое указание, любой закон, любое распоряжение правительства, не гнушаясь переводить его на немецкий язык так, как это выгодно остзейским властям, даже если перевод оказывался диаметрально противоположен оригиналу. Как само собой понятное явление рассматривалось то обстоятельство, что в Остзейских провинциях авторитетным во всех случаях оказывался не русский оригинал, а немецкий его перевод.

Потрясающую картину о положении русских и латышей в Риге читатель «Московских ведомостей» видит в VI письме анонимного корреспондента. Читатель, например, узнал, что в 1739 году русским запрещается в Риге приобретать недвижимое имущество. В 1742 году высказывается требование запретить русским торговать у городских ворот, а в 1763 году генерал-губернатор сообщает в сенат о невозможности допустить русских в комиссию по составлению положения о торговле, ибо «они ничего не понимают в значении рижского порта». В 1773 году цунфт торговцев мясом требует запрещения русским торговать мясом. В 1802 году русских купцов при содействии штатского губернатора Рихтера выгнали из собрания, на котором надлежало избрать правление Большой Гильдии.

Еще хуже, еще тяжелее, – читаем дальше в VI письме, – было положение латышей, первых, коренных обитателей края. Покоренные, забитые дальними пришельцами, они были обращены чуть не в невольников, были не только угнетены, но и презираемы. Русские, поселявшиеся здесь ради собственных выгод, имели еще в борьбе своей с недружелюбною немецкой партией поддержку правительства. Латыши не имели и этого; тихие, мирные, лишённые всякой возможности образовываться, они безропотно несли тяжёлый гнет и еле-еле имели возможность существовать. Малейшее покушение отстоять себе хотя только тень самостоятельности, каралось как оскорбление, наносимое ничтожными людьми племени неизмеримо высшему». «Я не преувеличиваю, говоря это; кроме истины, в словах моих ничего нет. Но и эта истина высказана далеко не вся. Я еще раз укажу на записки, оставленные Нейендалем ... Он признается самими рижскими немцами за авторитет неоспоримый, он – горячий и слепой защитник всего древнего муниципального устройства; он – искренний враг всякого улучшения нововведения. Привожу его слова как свидетельство неоспоримое и настолько сильное, что оно не требует пояснений. «Нельзя отрицать, – говорит он, – что искони было чрезвычайно затрудняемо свободным латышам повышение в их состоянии. Всеобщее предубеждение против этого племени тяготело на нем».

– Два, три факта, – продолжает Валдемар, – докажут, что в словах Нейендала много еще умеренности, сдержанности.

– Правда, – начинает перечисление уникальных фактов Валдемар, – еще в полицейском уставе 1548 года встречаем мы постановление, что дети четырех форштатских обывателей финского происхождения могут быть принимаемы в цеховые ученики; правда, еще в начале XVII столетия мы находим отдельные шраги для фурманов

портных латышского цеха. Но рядом с этим читаем запрещение крестьянам-латышам, приезжавшим в Ригу со льном для продажи, оставаться в городе более одной ночи, а привозившим рожь приказ выезжать из города до наступления ночи. Оставим даже и эти стеснительные меры, имеющие некоторое основание в общем стремлении к торговой монополии. Нетерпимость привилегированного сословия и городского управления, то есть партии немецкой вполне выказывалось в отказах принимать латышей в гражданство. В этом отношении хроника в начале XVIII столетия сохранила нам два замечательные и в высшей степени характерные процесса.

– Рижский обыватель, мачтовый браковщик, Стейнгауэр, латыш по происхождению, просит в 1752 г. принять его в рижское гражданство, опираясь на полицейский устав 1548 г. На отказ магистрата он принес жалобу сенату. Магистрат оправдывался тем, что полицейский устав никем не был утвержден, что он не более как проект, забывая, что также никем не утверждены и городские статуты, и гильдейские шраги и многое множество других документов, на которые он, однако неоднократно ссылается как на обязательные законы. Сенат, не признавая силы полицейского устава, отказал Стейнгауэру. В 1774 году некто Эфлейн, бухгалтер из Германии, женившись на племяннице того же Стейнгауэра, пожелал вступить в Большую гильдию. Латышское происхождение его жены возмутило немецкую щепетильность, и магистрат отказал ему. Эфлейн пожаловался сенату. Оправдание магистрата для нас весьма важно как выражение образа мыслей сословия немцев. Я укажу только на то, что главнейшим препятствием для принятия в гильдию ставилось то, что «Эфлейн женат на латышке, которая не способна к гильдейскому обществу», ибо еще в шрагах мясничьего цеха 1731 г. запрещено мясникам жениться на латышках. «Несчастливыми будут его, Эфлейна, из сего брака прижитые дети, потому что не можно будет об них свидетельствовать, что рождены от немецких вольных людей, а в противном случае Большая гильдия имеет претерпеть сильную обиду и неугасимое бесчестие...». «Слава и обращение с иностранными торговыми местами, – продолжает магистрат, – помалу могут приходиться в упадок, если город принужден будет принимать в мещанство латышей». Сенат не внял этому скорбному плачу, приказал принять Эфлейна, и, замечая, что «такое рассуждение о жене Эфлейна для благородного мещанства весьма порочно», выразился, что «ни с какою справедливостью не сходствует, чтобы неповинных, законно рожденных латышей ставить наряду с незаконнорожденными и в пороках известными женщинами».

Такие и сходные ущемления латышей и русских в правах Валдемар приводит и дальше. Как оценивал эти письма сам Катков? Об этом весьма красноречиво рассказывает в своих воспоминаниях А. Зандбергс. К этой теме он возвращается неоднократно. Письма оставили на Каткова такое впечатление, – констатирует А. Зандбергс, – что он сразу же по получению решил опубликовать первое письмо и по его инициативе незнакомый ему пока лично, но известный по статьям Ламанского автор взялся за продолжение. Валдемар, – свидетельствует А. Зандбергс, – даже не предполагал на такой исход дела. Предлагая Валдемару продолжить письма – стать постоянным сотрудником «Московских

ведомостей», – Катков поначалу поставил только одно условие: не касаться последних 15-20 лет, то есть царствования Александра II.

– Именно это обстоятельство, – говорит А. Зандберг в своих воспоминаниях, – заставило Валдемара переселиться в Москву, чтобы быть ближе к Каткову.

И еще цитата из воспоминаний А. Зандбега. Катков, получив первое письмо Валдемара и решив напечатать тут же в своей газете, был в таком восторге по поводу этого письма, что сразу понял: в лице Валдемара он приобрел весьма нужного и верного знатока рижских дел. Катков, конечно, знал, как высоко ценил Валдемара великий князь Константин Николаевич.

И далее: «Дружбу Каткова и Валдемара прервала только смерть московского журналиста».

И вот А. Зандберг снова возвращается к оценке валдемаровских писем. «Письма, – говорил своему собеседнику редактор «Московских ведомостей», – столь капитальны, научны и исторически обоснованны, что других таких в русской литературе нет. Если я имею дело с русском германологом, который восторгается немецкой культурой в Риге, или с каким-нибудь немцем, который чрезмерно увлекается балтийско-немецкой культурой, то я всегда таким даю эту брошюру прочитать и ею затыкаю рот тем, ибо после прочтения этой брошюры они больше не являются такими обожателями балтийско-немецкой культуры, той культуры, которая через Ригу внедряется и в России...»

Во время другой беседы Катков Зандбергу так охарактеризовал валдемаровские письма: «Это огромный капитал, исторически-научный труд, который еще никогда не появлялся в русской исторической литературе! И его свершил Валдемар!»

И еще раз Катков возвращается к теме о «Рижских письмах», которые он опубликовал в своей газете:

– Тогда я с ним еще не был знаком лично. Как разумно и последовательно он анализирует и доказывает тот хаос, который закрепился в такой важной гавани – Риге. Он в этом отношении превзошел даже Юрия Самарина, действительно раскрыв общественности глаза на события в Прибалтике. С моей помощью этот исторически важный документ и обвинительный акт против немецкой изворотливости, лжи, грабежу, угнетению других наций. Письма Валдемара изданы отдельной брошюрой, которую редактировал сам Валдемар. Я частенько использовал эту брошюру, когда приходилось вправлять мозги какому-нибудь неверно ориентирующемуся русскому, который защищал немецкую цивилизацию в Балтике, а также против каждого немца-патриота, который поднимает до небес влияние своей немецкой культуры.

– Этими письмами, – продолжал Катков оценивать в беседе с А. Зандбергом валдемаровские публикации, – Валдемар снова раскрыл перед русскими до сих пор неизвестный Балтийский край и заставил правительство и общественность правильно смотреть на хозяйствование немцев в этой провинции. Здесь у Валдемара несомненно огромные заслуги перед Российским правительством и общественностью: эти открытия дали администрации ведущую нить, а общественности – руководящие понятия и идеи, без чего у русских не было твердой основы под ногами для правильного восприятия и понимания этих вопросов.

Особенно та часть русского общества, которая звалась прогрессивной, чрезмерно увлекалась и с удовольствием воспринимала каждый новый, до конца всесторонне непродуманный тезис о том, что только у них были черты либерализма. Под этими лозунгами молодые русские философы в последнее время внесли в российскую общественность много полезного, но много и негодного, а иногда и вредного балласта, например, немецко-еврейского социализма, революционных настроений. Не так делал Валдемар в своих «Рижских письмах»: он не кричал, не революционизировал, а глубоко с пониманием взвешивал все зло прошлого, доказал, как они и из чего произошли, а также указал, как эти совершенно непригодные и устарелые пороки устранить. И эти ценные открытия Валдемар представил русской общественности и русской науке через мою газету: так поступил Валдемар – без громких фраз, без шума, показывая русской общественности совершенно новые взгляды на Рижское самоуправление, и поступает мастерски.

Секретарь Валдемара А. Зандберг в своих воспоминаниях о своем шефе сохранил многочисленные высказывания Каткова не только о «Рижских письмах» Валдемара, но и о самом их авторе, которые редактор «Московских ведомостей» неоднократно делал в разговорах со своим юным другом – таким Зандберг вскоре стал, причем настолько, что мог входить к Каткову без доклада – такое право предоставлялось совсем небольшому кругу лиц.

– Вообще-то, – рассказывает Зандберг, – Катков не тратил много времени на разговоры, непосредственно к делу не относящиеся. И только изредка, когда издатель «Московских ведомостей» был чем-то особенно доволен, или находился в хорошем расположении духа он позволял себе пофилософствовать, вспомнить старое, рассказать о новой информации, которую он только что получил. В таких случаях его высказывания были длинными, обстоятельными, иногда весьма эмоциональными. Зандберг собрал целую коллекцию эпитетов, которыми Катков в разное время снабжал Валдемара. Это «самородный, оригинальный, светлый ум», человек с «выдающейся смекалкой, сообразительностью, прозрением обстоятельств, основанном на глубоком знании истории», «способный ориентироваться в любой ситуации, уловить главное, оценить и предвидеть будущее с исторической вероятностью».

Высоко ценил в Валдемаре Катков и его педагогические способности, которые выражались в том, что он умело руководил журналистской деятельностью своих друзей и единомышленников, в том числе и А. Зандберга: «Видимо, Валдемар тебя хорошо инструктировал, – говаривал Катков Зандбергу, – у тебя язык острый, как шило, в хватке тоже нет недостатка, ты, видно, молодой, да из ранних».

Уважительное отношение Каткова к Валдемару характеризуют также такие подмеченные Зандбергом тонкие детали: редактор «Московских ведомостей» стремился глубоко проникнуть не только в идейный смысл валдемаровских тем, сюжетов, суждений, оценок и выводов, но и пристально наблюдал, стремился разгадать нюансы стиля латышского политолога и публициста. В своих хотя и не частых, но продолжительных и глубоких беседах с Зандбергом Катков не раз останавливался также на особенностях валдемаровского стиля изложения, которые он замечал в

связи с изменениями ситуаций и сюжетов его полемических статей. Однажды секретарю Валдемара пришлось услышать от Каткова такие слова:

– Раньше Валдемар так не писал. Он не писал резко, а деликатно, и всегда с введением, с длинным введением и предисловием. Только после того, как он уже достаточно уяснил тему и подготовил читателя, только тогда он резко и смело брался за ядро своего вопроса, приводил статистику и безжалостно критиковал и разбивал возражения и инакомыслие противников.

– И еще, – продолжал Катков свои на редкость пространные рассуждения, – Валдемар во время разговоров, когда начинает волноваться и критиковать существующий государственный строй, угнетающий балтийских крестьян, глаза расширяются, блестят, даже светятся, а из его рта вытекают целые обвинительные речи против угнетателей – балтийских помещиков. Тогда он оставляет большее впечатление на чувства, чем на разум, – но нервы электризуются.

– Скажи мне одно, – обратился Катков после этой характеристики к Зандбергу, – разве все латыши с такой горячей кровью?

Зандберг приводит и другое размышление Каткова, так страстно пытавшегося разгадать тайну характера Валдемара. «Недостаток культуры, подавляемость, несозревшая духовная деятельность не применима к Валдемару. Он вооружен завидным оружием ума, на редкость разносторонним пониманием и замечательной смекалистостью, огромной эрудицией и культурой в самом широком значении этого слова». Чтобы оттенить, подчеркнуть качество автора «Рижских писем», Катков не раз сопоставлял Валдемара с Зандбергом, который, «по своей юности еще не усвоил величину валдемаровской мысли, деликатность и умение составлять хорошие передовицы, благодаря которым Валдемар способен даже инакомыслящему внушить свои чувства, свой дух, свои мысли, приводя остроумные, иногда «кусательные» и убедительные доказательства».

В беседах с Зандбергом Катков неоднократно заводил речь о школах, в которых обучался латышский публицист, особенно о Дерптском университете. «Camerarta» – повторял Катков название факультета, на котором обучался его балтийский корреспондент. «У нас даже названия такого нет для факультета, который объединяет в себе экономику, юриспруденцию, филологию. Конечно, Валдемар мог стать тем, кем он стал, – продолжал Катков, – только благодаря своим особенностям – разносторонним и безжалостно логическим врожденным особенностям ума и смекалистости».

Другая характеристика Валдемара Катковым показала, как редактор «Московских ведомостей» по-своему, покатковски оценивал прошлую «революционную деятельность Валдемара, существенно отличая ее от революционной деятельности польских повстанцев, от немецко-еврейских, как он выражался, революционеров-социал-демократов. Вот что рассказывал Катков Зандбергу о «революционности» Кр. Валдемара, со слов самого шефа жандармов. «Однажды, – начал свое повествование редактор «Московских новостей», – высокие петербургские чиновники пригласили на свое совещание специалистов, среди которых был и некий бывший революционер Валде-

мар из Балтии. Разговор шел о том, как не допустить распространения польских революционных идей в Литве. Обсуждали резолюцию о запрещении в Литве книг с текстом, напечатанным латинскими буквами. Валдемар все время хранил молчание. Когда его специально попросили высказаться, Валдемар начал: «Я совсем других мыслей и никоим образом не могу согласиться с вашим решением. Таким путем вы не устраните революцию, но совсем наоборот – вы будете революционным идеям способствовать. Ваши средства порочны, вы достигнете других результатов. Ваши проекты совсем нереальны». Валдемар пояснил свои мысли в исторической последовательности, рассказав, как происходят народные волнения, как они перерастают в возмущения, восстания и революции – как это было в древней Греции, в Средние века, в Англии и Франции, наконец, в России (Стенька Разин, польский бунт). «Чтобы избежать революции, надо устранить те причины, которые вызывают их, надо устранить недовольство в народных массах, а вы хотите развить это недовольство там, где его на самом деле совсем нет. Запрещение латинских букв в Литве приведет к наводнению в Литве книгами, напечатанными за границей. Закрыть границу – наивно и показывает ваше нежелание учиться на жизненных фактах». Валдемар напомнил публикации в газетах: евреи из Персии (!) ввозили на Нижегородскую ярмарку 100.000 экземпляров «Колокола» для распространения в Поволжье и Сибири. Вот вам закрытие границы! Разве евреи из Персии не смогут ввести книги в Литву? Так Валдемар, – продолжал свой рассказ Катков, – одним своим словом уничтожил резолюцию. Никто из присутствующих не посмел возражать, все чувствовали себя как холодной водой облитыми».

15 октября в № 226 передовая статья катковской газеты начинается с констатации того неприятного для московского журналиста факта, что его противник – «журнальные представители немецкого элемента в наших Прибалтийских губерниях» – «громко торжествуют победу над г-ном Валдемаром». «Кто такой г-н Валдемар?», задает риторический вопрос читателям Катков. Сдует довольно детальное изложение всех тех обвинений, которые Валдемару предъявляет «Рижская газета». Это, прежде всего, издание ненавистной остзейцам «Петербуржас Авизес», среди издателей которой Катковым упоминается и Алуна, и Биезбардис, и Динсбергис. Вслед за «Рижской газетой» Катков называет Валдемара «влиятельным журналистом», имя которого «широко известно в Курляндии и Лифляндии. «Понятно поэтому, что чувство радости, – продолжает Катков, – с которым ратоборцы немецкого дела в России торжествуют свою победу над Валдемаром: в этой победе они усматривают, как говорит митавский корреспондент «Национал Цайтунг», «победу немецкого дела между латышами, одержанную, как они полагают, на вечные времена». В чем же эта победа? – рассуждает Катков, – Прежде всего немецкой партии удалось провалить эксперимент Валдемара по переселению латышей Дундагской волости в валдемаровское новгородское имение «Юлианово». Беда заключается в том, что на приглашение Валдемара откликнулась тысяча латышей. Они-то без каких-либо средств, необходимых для ведения хозяйства – скота, инвентаря – отправились в Россию и, естественно, разочаровались и разорились. Узнав о намерении своих соотечест-

венников поступить столь опрометчиво, Валдемар обратился к остзейским немецким пасторам и журналистам с просьбой опубликовать в газетах и объявить с церковных амвонов разъяснения и предупреждения об условиях эмиграции. Но ни журналисты, – поясняет Катков, – ни пасторы свой человеческий долг из ненависти к Валдемару выполнить не желали. И способствовали беде многих и многих латышских крестьян, а самого Валдемара поспешили объявить мошенником и жуликом, грозя отдать его под суд.

Второе поражение группы Валдемара (Катков подробнейшим образом перечисляет все детали этого процесса) – прекращение выхода в свет валдемаровской газеты. «Как мы ни мало знакомы с этим журналом, тем не менее, мы не можем не пожалеть, что он пал жертвою стеснений, которые были следствием не государственных постановлений о печати, а были, судя по тому, с какою радостью немецкие публицисты торжествуют теперь поражение г-на Валдемара, результатом местной вражды к общему направлению петербургской латышской газеты. Такова вообще печальная судьба тех органов нашей журналистики, – делает далеко идущие обобщения Катков, – которые издаются для инородцев и которые поставляют своей целью действовать на них в общих интересах России».

Попутно редактор «Московских ведомостей» напоминает печальную судьбу сотрудника газеты «Петербургас Авизес» рижского учителя Биезбардиса – о нем в московской газете рассказал в своей статье В. Ламанский; только за переписывание «всеподданнейшего» адреса латышей императору рижанин был выслан в Калужскую губернию.

В 236 номере газеты от 28 октября Катков в передовой статье снова возвращается к инсинуациям «Рижской газеты», к ее обвинениям Валдемара – издателя «Петербургас Авизес» и организатора переселения латышских крестьян в Новгородскую губернию. На этот раз Катков опровергает утверждения немецкой газеты о том, что крестьяне проклинают Валдемара за его инициативу переселения и приводит свидетельство пастора Рейтлингера, а также предводителя дворянства Крестецкого уезда о том, что переселенцы вполне довольны и плодородием земли, и инициативой Валдемара. Тем самым Катков изобличает рижскую и митавскую газеты в «нарушении законов, ограждающих честь частных лиц» и тем самым набрасывающих мрачную тень на свои рассуждения об этом несчастном деле...»

Через непродолжительное время – 9 ноября в передовице 246 номера Катков снова возвращается к газете «Петербургас Авизес». На этот раз московский журналист не понаслышке, а сам знакомится (!) с теми статьями (цитирует заглавия по-латышски русскими буквами!), которые растрезвенены «Рижской газетой» как революционные, подрывные, «хоть бы в «Колокол», – иронизирует Катков. «Революционные цитаты, призывающие, якобы, к ниспровержению существующего строя, оказываются на проверку самыми безобидными. Так, в статье «Касс земникам языка?» – «подробно излагается, что в старину господствовало мнение, будто сельскому люду не нужно ничему учиться и ничего знать, но что теперь никто уже так не думает». Затем статейка продолжает, – поясняет Катков: «Из этого видно, как время изменяет все, даже воззрения умных людей. Что теперь считается хорошим, то впослед-

ствии будет отметаться. Нынче оно блестит как звезда, а завтра превратится в мусор. Внуки ходят по могилам своих предков».

«И вот эта-то безобидная сентенция, – делает заключение Катков, – в которой нет и тени какого-либо политического намека, обращена добросовестными публицистами «Рижской газеты» в революционную проповедь против дворянства и духовенства в балтийских губерниях!»

Другое опасное место, цитированное в «Рижской газете», взято из статьи «Мужигс карра лаукс». Но статья эта, – замечает автор передовицы, – будто бы направленная латышским журналистом против сословных прав и учреждений в балтийских провинциях, вовсе и не латышского происхождения, а заимствована из известной немецкой газеты «Гартенлауб»! В ней рассказывается, что в давние времена существовали виды растений и животных, какие в настоящее время есть исчезающие виды животных, что европейскими домашними животными, переселенными на Канарские острова или в Новую Зеландию, вытесняются туземные породы. Вслед за тем статья продолжает: «новые свежие появляются на их месте».

Вот как поступает рижский политик, – возмущается Катков. Даже домашних животных на Канарских островах умеют они превращать в революционные стихии, опасные остзейским порядкам.

«То же самое оказывается относительно двух других мест, продолжает московский журналист анализировать инсинуации остзейских публицистов. На страницах 75 и 76 латышской газеты напечатана статейка о шинках, о невозможности совершенно устранить их и, следовательно, о необходимости сколько-нибудь облагородить их».

«Четвертое место находится на странице 40. Это сатирическая заметка об одном стихотворце, пасторе Гротте, который наводняет маленькую и скудную латышскую литературу плохими виршами. В этом нашли поругание лютеранского духовенства!» – иронизирует московский журналист.

Выводы автора передовицы «Московских ведомостей»: «Вот до каких размеров может доходить растяжимость совести и иезуитский образ действий. Вот в силу каких обвинительных пунктов газета г-на Валдемара подверглась стеснениям и должна была прекратиться!».

12 ноября в передовице 249 газеты издатель и редактор «Московских ведомостей» вновь критикует позиции «Рижской газеты», выступившей на защиту чести немецких пасторов и «литератов», которые, якобы, не доводили до сведения латышских крестьян предупреждений Валдемара, чтобы... сохранить свое достоинство. В интерпретации Каткова эти доводы выглядят смехотворными.

И, наконец, 20 ноября в передовице 256 номера газеты, в основном посвященной Биезбардису, автор вновь напоминает о смехотворности инсинуаций «Рижской газеты», намеков на крамольность валдемаровского издания.

Существует мнение, что 1865 годом Катков ограничился популяризацией на страницах своей газеты дела Валдемара и Биезбардиса. На самом деле это не так. И в последующие годы до самого до 1886 года передовицы

«Московских ведомостей» постоянно возвращаются к остзейской теме. В 1866 году – это «Представление цензора «Рижской газеты» г-ну начальнику главного управления по делам печати и ответ на него» (№ 45); в 1867 году – Полемическая статья против «Рижской газеты» (№ 39), «Переселенческое движение эстов и латышей и предполагаемое замещение их немецкими переселенцами» (№ 43), «Малочисленность немецкого населения в Прибалтийском крае и немецкие претензии» (№ 144), «Германизация балтийских губерний» (№ 181); В 1868 году – «Ложь немецкой интриги. Альзас и Балтийские провинции. Капитуляция Петра Великого» (№ 139), «Национальная политика Пруссии и агитация немецкой печати в Балтийском крае» (№ 162), «Немецкие патриоты в Германии России» (№ 183), «Заявление дворянства трех балтийских губерний» (№№ 261, 266); в 1869 году – «Казенные училища Прибалтийского края» (№ 4), «Ответ газеты «Ст. Петербургер Цейтунг» по поводу 1819 и 1849 годов» (№ 73), «Возрастающая германизация в Балтийском крае» (№ 104), «Голос прусских газет против возведенных в Балтийском крае нововведений» (№ 127), «Долг балтийского рыцарства перед русскою национальностью» (№ 147), «Сетование остзейцев на свободу печати столичных газет» (№ 195); в 1870 году – «Исторический обзор возникновения в Прибалтийском крае национального вопроса» (№ 36), «Ухищрение газеты «Нордише прессе» оправдать Рижский магистрат и Пернавский уездный суд» (№ 85), «Новый адрес лифляндских феодалов и адрес латышей» (№ 179); в 1871 году – «Феодальное бесправие в Балтийских губерниях» (№ 25), «Ложное понимание русскими своей национальной политики; противодействие латышам в их тяготении к русскому народу» (№ 56); в 1872 году – «Издание русско-латышско-немецкого словаря. Ожесточенные жалобы на Россию в корреспонденциях из балтийских провинций» (№ 67); в 1875 году «Судебные порядки и вопрос о судебной реформе в Прибалтийском крае» (№ 232); в 1886 году – «Конец балтийскому вопросу» (№ 180).

Самый факт тесного сотрудничества Валдемара с Катковым в латышской историографии и литературоведении всегда отмечается, притом с положительной оценкой. Однако этим латышские исследователи и ограничиваются. Ни номеров московских газет, ни тематика передовиц, ни других каких-либо деталей и конкретных фактов в латышских публикациях не приводится. Единственным исключением являются воспоминания сотрудника Кр. Валдемара в Москве А. Зандберга³. Так как русскому читателю эти воспоминания почти неизвестны, приводим их здесь в русском пересказе.

«Получив очередное предупреждение правительства, запрещающее печатать статьи о противостояниях в Остзейском крае, Катков не преминул об этом сообщить секретарю Валдемара.¹⁰ В воспоминаниях А. Зандберга эпизод с отставкой графа Палена воспроизводится как принципиально весьма важный, во всех подробностях.

– Нет, нет, ни одного слова о латышах, эстонцах я не возьму больше в свою газету! – воскликнул громким голосом Катков, прерывая мое чтение.

– Ни одного слова о латышах и эстонцах!

Я с удивлением прервал чтение.

– Валдемар ведь у вас, Михаил Никифорович, единственный корреспондент из Балтийских губерний. О

чем же ему писать, если не о латышах и эстонцах?

– Только не о латышах и эстонцах! Скажи Валдемару, что я больше не возьму статьи ни о латышах, ни эстонцах. Пусть пишет о русских... Только не о латышах и эстонцах! Мне хватит! Мне уже надоело слышать упреки и выговоры!

– Кто же вас смеет ругать и упрекать?!

– Кто? Председатель юридического отделения Государственного Совета мне высказал замечание по поводу вашей статьи о баронах. Граф был так взволнован вашей яростной статьей, что с пеной на губах кричал; такие мысли недопустимы!

– Кто же это за граф, этот председатель?

– Разве ты не знаешь?! Председатель юридического отделения граф Пален.

– Но кто такой Пален? Кто этот Пален по национальности?

– Ну, балтийский немец!

– И Вы, Михаил Никифорович, испугались! Вы, известный российский патриот, единственный человек, от слова которого вся Россия дрожит, вы, храбрый защитник России! Вы, который не испугался польских сепаратистов, магнатов и шляхты. Вы теперь испугались какого-то немецкого графа, балтийского помещика!

Твои слова как отравленный шип укололи меня в самое сердце. Правда, чего это я упал духом из-за выговора графа. Россию все же балтийцам не отдам!

– Что с ним церемониться! Дайте ему под зад, пусть выскочит как мяч из Государственного Совета! Для Вас, Михаил Никифорович, это плевое дело.

– Плевое дело!.. Под зад! Легко насмеяться. Скажи лучше Валдемару, чтоб писал о России.

Услышав просьбу Каткова писать только о России и русских, Валдемар расхохотался, что делал весьма редко, и сказал: «Хорошо. Буду писать для Каткова только о России и русских. Приходите за статьей в 7 вечера».

Далее события разворачивались следующим образом.

– Прихожу. Валдемар утонул в огромных списках российских сенаторов, генералов, министров, членов Государственного Совета. Писал Валдемар по-немецки своим большим растянутым почерком. Заглавие статьи: «Кто правит Россией – сами русские или немцы?». Среди министров 13% немцев, среди членов Государственного Совета – 25%, среди сенаторов – 40%, генералов – 50%, губернаторов – 60%. А поскольку губернаторы управляют Россией, то это и будет ответом на поставленный вопрос. Поскольку все императрицы – немки, естественно, что по их протекции немцы просачиваются в высшую администрацию».

Поручение Зандбергу было – перевести статью на русский язык, отредактировать, придать компактный, убедительный вид. Прочитав переведенную и отредактированную статью, Валдемар заметил:

– Очень резкой получилась. Вряд ли Катков ее напечатает.

– Но ведь это про Россию, как он хотел, – пытался рассеять сомнения Валдемара его секретарь.

Получив статью, Катков велел Зандбергу ее читать. По мере чтения недоверие редактора «Московских ведомостей» все возрастало: «Не может быть! Числа явно преувеличены!» – воскликнул издатель русской газеты. И тут же велел

своему секретарю некоторые цифры проверить. Проверка поразила Каткова еще больше: сенаторов-немцев оказалось даже больше – 63%! – Валдемар всегда найдет что-нибудь интересное! Я и подумать не мог, что такое огромное количество чиновников в администрации – немцы! – заключил собеседник Зандберга.

– Да, шкура русская, а душа немецкая, – попытался поиронизировать Зандберг.

– Ну-ну, не иронизируй, читай дальше! – велел Катков серьезным тоном.

Когда я дошел до фразы «Но так как все императрицы немки...», – рассказывает далее Зандберг, – Катков не выдержал: «Ты с ума сошел! Оставь императрицу в покое! Императриц нельзя задевать...» Катков выхватил из рук Зандберга статью и сам карандашом вымарал фразу об императрицах, затем сказал: «Оставь статью и благодари Валдемара!»

На другой день статья без каких-либо редакционных изменений была напечатана. Только «императрицы» были заменены словами «высшие чиновники».

Но это еще не все, – сказал Валдемар, – читайте передовицу!

Я читаю, – вспоминает Зандберг, – и удивляюсь, как резко Катков нападает на немецких чиновников. В завершение передовицы говорилось: «Мы, русские, терпеливее китайцев, более 10 лет терпели во главе русской юстиции безмозглого немца, который не был способен пять слов правильно произнести, и еще теперь терпим этого немца на таком важном посту, как председателя юридического отделения Государственного Совета. Разве не настало еще время нам стать на свои ноги?»

Валдемар был так обрадован, – рассказывает дальше Зандберг, – что запрыгал, приговаривая: «Я об этом не раз говорил с Катковым. Как же мне не радоваться, если Катков, наконец, такого же мнения. Это хорошо. Я этого давно добивался. Теперь начнется настоящая победа над балтийскими немцами». И действительно, через непродолжительное время мы прочитали в газетах, что граф Пален получил «отставку». «Вот ответ на твое бранное слово, сказанное Каткову, – сказал Зандбергу смеясь Валдемар. – Самый сильный защитник балтийских помещиков!» С тех пор Катков принимал все статьи, которые получал от Валдемара.

Эти воспоминания А. Зандберга важны во многих отношениях. Они, прежде всего, развивают миф о том, что после 1866 года отношения Каткова и Валдемара «охладели». Во-вторых, рассказанный эпизод нам и в других передовицах и статьях, написанных предположительно Катковым, искать если не руку и перо Валдемара, то, по крайней мере, его идеи, мысли, глубокие знания политики противников. Разобраться во всех этих вопросах – задача последующих исследований в этой области.

Доверие, уважение, оказываемое Катковым Валдемару, отнюдь не значило, что во всем они были единомышленны. Как свидетельствует А. Зандберг, по вопросам квалификации остзейских баронов у Валдемара было больше единомыслия с профессором Московского университета Нилом Поповым, чем с Катковым. Валдемар считал их потомками рыцарей – международных бродяг, грабителей и разбойников, и по признанию самого Каткова Зандбергу, латышский

публицист не раз русскому своему сотоварищу об этом говаривал. Валдемар при этом подчеркивал, что русские дворяне происходят от древних владетельных либо русских, либо татарских князей, бояр и других знатных людей, отличившихся в истории России и заслуживших это почетное звание. Потомки же международного сброда такого уважения никогда завоевать не могут. Катков же в этом вопросе занимал несколько иные позиции: «Мне уже и Валдемар рассказывал, – говорил Катков Зандбергу, – о балтийских помещиках, только подробнее и основательнее, чем это делал Зандберг. «По мысли Валдемара (Валдемар подробно изучил каждое баронское семейство в отдельности, добавлял Катков для доказательства основательности и аргументированности валдемаровских утверждений). Балтийским помещикам вообще нет прав называться российскими дворянами, за исключением тех, которые, находясь на русской службе, получили от российских императоров дворянские права, а остальные – самозванцы. Может быть, – продолжает свои размышления и сомнения Катков, Валдемар и прав. Но сомневаюсь, что в балтийской структуре должны настать перемены, которые вроде уже созрели, о чем Валдемар, ты и все благомыслящие люди могут только радоваться. Особенно ясно и неоспоримо Валдемар доказал необходимость ввести в Балтии необходимые реформы в своих незабываемых «Рижских письмах».

Катков не соглашался также с мнением Валдемара и Зандберга о том, что горячность, неуступчивость, духовные способности – яркое проявление латышской ментальности. По Каткову, – это проявление врожденных способностей.

Но особенно враждебно Валдемар встретил попытки Каткова навязать ему фантастическую концепцию московского профессора Самоквасова о происхождении латышей от гуцулов. Разумеется, кое-какие основания для такой гипотезы может появиться – ведь и латыши, и гуцулы – одного индоевропейского корня. Однако аргументы Валдемара в споре с Катковым «доисторичность» латышей по данным антропологии и археологии – весьма неопределенны, по крайней мере, в изложении Зандберга. Теории Самоквасова в разговорах с Катковым Валдемар противопоставлял теорию Биезбардиса о происхождении латышей от скифов, хотя он и сам не очень доверял этой теории.

Примечательно зафиксированное в воспоминаниях Зандберга высказанное Катковым сравнение Валдемара с Одиссеем, который своими убедительными доказательствами и очень ловкими приемами полемики добивался всегда своего. Тщетны были также неоднократные попытки примирить Каткова с поляками, которые не раз пытался осуществить Валдемар. «В таком случае, – возражал Катков, – я должен был бы стать другом повстанцев».

¹ «Речь генерал-суперинтенданта д-ра Вальтера перед открытием Лифляндского сейма и применением его постановлением и к России» «Московские ведомости» (далее – МВ), № 97; «О германизации эстов и латышей» – МВ, №№ 109, 125; «В каком отношении должны находиться прибалтийские провинции к России» – МВ, № 128Б.

² «Устройство и состав сеймов в Прибалтийских губерниях» – МВ, № 119; «Стремление трех прибалтийских провинций к соединению в одно политическое целое» – МВ, №№ 120, 270; «Политика прибалтийских газет о составе сеймов» – МВ, № 175; «Центральная комиссия трех губерний по вопросам о судебной реформе как первой попытке соединения их в одно политическое целое» – МВ, № 208; «Возражение «Северной Почты» по поводу миллионного займа эстляндского рыцарства» – МВ, № 260Б.

³ Zandbergs A.

3. Кришьян Валдемар и Иван Аксаков

Путь Ивана Аксакова к «остзейскому вопросу» поначалу был весьма осторожным, осмотрительным. С опаской и оглядкой, ощупью подбирался Иван Аксаков к этому сложному, необычному и непривычному делу. И весьма символично: первая публикация в этой области состоялась в газете «День» в 1861 году, за один год до начала издания в Петербурге латышской независимой газеты «Pēterburgas avīzes». Статья подписана псевдонимом Андрей Васильев (Андрей Васильевич Фрейганг, в ту пору капитан 1-го ранга, член редакции «Морского сборника», страстный сторонник идей Великого князя Константина Николаевича). В статье говорилось о преследовании газеты «Pēterburgas avīzes» остзейскими властями за «славянофильство» младолатышского издания. Автор статьи подчеркивает именно этот момент, чтобы вызвать симпатии читателей «Дня»: «Латыши беспомощны. Они не в силах вступить в число образованных народностей. Латыши в родном краю лишены духовной подпоры и материальной помощи. Не многие отдельные личности, получившие университетское образование, обладающие нравственной силою и энергиею и не стыдящиеся сочувствовать бедственному положению своих сограждан, не смогут ничего сделать для них, если господствующее и могущественное славянское племя русских не окажет им внимания и нравственного покровительства»¹. За пропуск этой статьи цензор получил выговор. Ему было приказано цензуровать «День» строже². Заведено было дело «О прекращении полемики с немецким населением Остзейского края».

Уже эта публикация определила положительное отношение Ивана Аксакова к младолатышскому движению. В 1863 году он перепечатывает из «Кронштадтского вестника» статью «Положение свободных крестьян в Курляндии». Примечательно и симптоматично обращение к брошюрам, изданным в Лейпциге стараниями деятелей лужицкого национального пробуждения, с которыми Валдемар общался в Петербурге в салоне В. Ламанского.

Вслед за статьей В. Иванова на страницах «Дня» появляется попытка опровергнуть сообщение о тяжелом, подчас бедственном положении латышских крестьян. Остзейский чиновник и «литерат» барон П. Гершау приводит статистические данные из остзейских публикаций, которые должны свидетельствовать об экономическом благоденствии лифляндских крестьян.

Аксаков ждет опровержений В. Иванова. Ревельский публицист пишет обстоятельный, насыщенный фактами ответ барону и просит Аксакова приложить все усилия, чтобы провести статью через цензуру. Но сделать это не удалось – статья – в печати не появилась. Вместо того печатается статья Г.А. Знаменского – рецензия на роман Йоганна Конради «Георг Штейн, или: немцы и латыши». В романе показано пагубное влияние младолатышского движения. Рецензент высказывает сомнение в правильности отражения в романе латышско-немецких отношений.

Публикации в «Дне» в 1864 – начале 1865 годов обстоятельно информировали читателей славянофильской газеты о латышской культуре. Студент Московского университета Индрикус Цирулис пишет о родстве русского и латышского языков. Предположительно, Каспар Биезбар-

дис – о первых шагах латышской письменности, о первых сборниках латышских народных песен. Йостс Виесулис – это псевдоним Яниса Лициса, известного под псевдонимом Индрика Страумите в «Окраинах России» Юрия Самарина в № 238 газеты «День». 28.X.1864 года печатает пространную статью «Латыши», – переход в православие, эмиграция на юг России. Постоянная тема статей – преграды, чинимые пасторами просвещению латышей («давать латышам научные книги подобно тому, что давать ребенку в руки раскаленные угли»).

Антифеодалное «Кредо» Аксакова определяется после публикации речи Ламанского 12 марта 1865 года на заседании Географического общества. С этого времени редактор газеты «День» еще внимательнее следит за публикациями «Московских ведомостей» в той их части, которая касается остзейского вопроса, особенно после начала публикации уникальных по своему содержанию и фактическому наполнению валдемаровских «Рижских писем». Несколько позднее, в 1867 – 1868 годах, эти письма, вместе с другими известными Аксакову общественно-политическими статьями и исследованиями Валдемара становятся неиссякаемым источником сведений, к которым Аксаков, с опасностью цензурных репрессий (они скоро оказались в виде предупреждений, приостановления на время, наконец, закрытия навсегда) обращается неоднократно. Примечательно, что 1867 год – год переселения Валдемара в Москву и установления личных контактов с Аксаковым. Об этом архивы и Валдемара, и Аксакова пока хранят гробовое молчание. Зато красноречиво говорят передовицы аксаковских газет.

...Перед нами передовица газеты «День» от 27 ноября 1865 года. Здесь рассказывается о комиссии, которая в Риге «пишет положение о личных правах, обязанностях крестьян». Но тут аксаковская оговорка: «... по полученным нами известиям – все эти проектируемые преобразования делаются лишь для виду, чтобы отвести нарастающую грозу». Пока источник сведений не называется, но следующий абзац не оставляет сомнений в источниках информации: «У остзейского начальства – как читатели могли видеть из помещенной нами в № 44 корреспонденции из Курляндии, есть теперь легкий способ представить любого латыша или эстонца возмутителем, или, по крайней мере, подозрительным: назвать его принадлежащим к партии «молодой Леттии» или «молодой Эстонии», дать ему кличку junger Lette, junger Estte. Такое прозвище дается, по признанию самих немцев, всякому латышу или эстонцу, старающемуся не поддаваться германизации, и это сопротивление онемечиванию со стороны русских подданных вменяется в вину и преступление – где же? В пределах русского государства, от русской правительственной власти».

Обратимся к прямым цитатам в газетах Аксакова из статей Кр. Валдемара.

Одним из наиболее ярких примеров использования валдемаровски-катковских источников в аксаковских газетах является неоднократное цитирование Иваном Аксаковым в передовицах его газет бесчестных поступков остзейских властей – «культуртрегеров», не гнушавшихся ложью, подкупами российских властей, обращениям с лживыми клеветническими жалобами к их западноевропейским сородичам. Так, Иван Аксаков, с ссылкой на валдема-

ровские «Письма из Риги», опубликованные в «Московских ведомостях», дважды упоминает такой эпизод, который заимствован из валдемаровских разоблачительных материалов и использован в передовицах газеты «Москва» дважды. В номере 13 сентября 1867 года № 128 редактор газеты в передовой статье пишет: «Какое неистощимое обилие протестов, а также и депутатий! Не все, но некоторые из последних, занесены на страницы не одной тайной, но и явной истории. Так, в «рижских письмах», напечатанных в 1865 году в «Московских ведомостях, мы читаем даже, что одной из депутатий по возвращению в Ригу, публично граф Буксгевденом заявлено (в 1806 году) неудовольствие императора Александра I за приезд в Петербург с несколько грубыми, неблагоприятными пособиями для успеха ходатайства».

Вторично этот факт упоминается так же с ссылкой на «Рижские письма» Валдемара в передовице «Москвы» 4 октября 1867 года в таком контексте: «Несмотря, однако же, на все заявления преданности – не привилегиям только, но и монарху, – депутация, возвратясь в Ригу, вынуждена была (как мы уже упоминали дважды) выслушать публичные замечания генерал-губернатора за то, что возили с собой в Петербург значительные суммы денег, имевшие неблагоприятное назначение...» К фрагменту дается ссылка на «Рижские письма», указывается даже страница 9-я, на которой соответствующая цитата напечатана.

Валдемар к этому факту неблагоприятных поступков рижской депутации также обращается неоднократно (в I, II, III письмах), считая эти факты, так же как их оценивал и Аксаков, исключительно важными для характеристики «неблагоприятных поступков представителей немецкой партии, столь кичившейся своим «благородством» и «моралью».

Дважды возвращается Аксаков в передовицах своих газет к обнародованному Валдемаром в тех же «Рижских письмах» эпизоду, в котором искусственно раздувается национальная неприязнь между латышами и немцами.

В передовице «Москвы» от 13 сентября 1867 года читаем: «Господин культуртрегер, статский советник и кавалер (орденов, Б.И.) доктор Берхольц (так! Б.И.), равно и другие господа культуртрегеры или культураносцы, с каким-то классическим азартом древних греков и римлян вопиют хором против нашествия варягов-скифов на их благоденственный и мирный кур-лив-и эстляндский край, этот Германский, якобы, уголок, этот рассадник высшей европейской культуры, – завод интеллигенции, нравственности и способности для темной, безнравственной и неспособной России».

Информацию о деятельности Берхольца Аксаков также целиком почерпнул из «Рижских писем» Валдемара.

В одной из передовиц своей газеты Аксаков ссылается на публикации в №№ 94, 139, 199 «Московских ведомостей». А это как раз те номера, в которых печатались «Рижские письма» Валдемара.

Имя Берхольца как вождя и рупоа остзейской немецкой администрации Иван Аксаков упоминает в передовицах своих газет в связи с заимствованным у Валдемара возмущением по поводу возрождения в Лифляндии барщины, похороненной в России реформами 1861 года.

В передовице газеты «Москва» от 21 июля 1868 года

Аксаков пишет: «По всей России совершенно погребены «барщины». И вдруг теперь мы невольно осуждены быть свидетелями, как вновь возвращается к крестьянству прежняя «барщина»! И совершается это в пределах России, в землях, покоренных русской кровью, совершается в угоду иноземным пришельцам!? Крестьянское право вопреки воле Освободителя России, вопреки голосу всего народа, вопреки здравому смыслу и христианскому учению, вводится и где же?.. в так называемом «Остзейском крае», – в провинциях, которые, по словам корреспондентов немецких газет «Россия не в состоянии понимать», – в губерниях, которые, говоря языком тех же газет, с помощью немецкого языка, немецкого законодательства, немецких нравов обращены в местности, ВЕСЬМА ВЫГОДНО отличающиеся от остальных русских губерний».

Какие источники возьмет на вооружение Аксаков, чтобы разоблачить эти лживые тезисы необъективных остзейских журналов? Обратимся к той же передовице Аксакова: «Но напрашивается также сопоставление с Лейпцигской брошюрой Валдемара на немецком языке, о которой еще в 1863 году упоминала газета «День», именно те эпизоды, которые изложены на 47 странице валдемаровской брошюры».

Напомним читателю, о чем писал Валдемар в упомянутой Аксаковым брошюре: «Свободный» рабочий должен возвращаться обратно (в сельскую местность – Б.И.), пока он не скопит столько денег, сколько нужно, чтобы с большими трудностями получить прописку в городе. Так до сих пор делали русские помещики со своими крестьянами. Только им обычно счастье чаще улыбалось, чем видземским «свободным» крестьянам. Поэтому первые зажиточнее, а последние бедняки».

Второй раз имя Берхольца и других немецких культуртрегеров упоминается в передовице той же газеты от 23 сентября 1867 года, в котором Иван Аксаков высказывает свое возмущение по поводу тех преград, которые остзейские власти чинят введению в Прибалтийском крае новых, прогрессивных, признанных всем миром судебных реформ: «Нужды нет, что этого суда («скорого и правого» Б.И.) добивались все образованнейшие народы Европы, что его благодеяниями осеняется теперь даже и пространная Россия. Он не должен быть введен, этот порядок, именно в тот уголок Европы, который так кичится превосходством своей образованности, своей цивилизации перед варварской Россией».

В VII своем письме Валдемар приводит «золотое», по его словам, пояснение Рижского магистрата, почему русским отказано в применении русского языка: «Удобнее было бы, если бы пришельцы выучили язык местных жителей, чем оставлять ее как «открытые ворота для передачи культуры и могучих сил знания из Германии в Россию!»

При чтении этих фрагментов вспоминается та же брошюра Валдемара, на 56 странице, в сноске которой читаем: «Здесь особенно деятельны кажутся некоторые пасторы. Что бы это ни стоило, надо создавать национальную рознь между латышами и немцами, и тогда довольно долго можно было бы ловить рыбку в мутной воде. Только следует спросить, разве просвещенную публику можно схватить в этих расставленных сетях. Реальность против

этих господ пасторов».

Эту квалификацию Берхгольца и его соратников – остзейских журналистов, разоблачает и Аксаков, конкретизируя их культуртрегерские позиции в двух номерах газеты «Москва».

В передовицах «Москвы» Аксаков широко использует многочисленные исторические факты, обильно разбросанные по страницам «Рижских писем» и брошюры Валдемара. По этим фактам, именам, датам нетрудно выявить все те мысли, идеи, предположения и предложения, который московский журналист заимствовал у младолатышского мыслителя и политика. Так, подборка, даже последовательность в перечислении в «Рижских письмах» сохраняется и у Аксакова. Например, перечисление протестов Рижского магистрата против попыток урезать его феодальные привилегии при Сигизмунде III, шведской королеве Христине, против мероприятий русского правительства в 1786, 1811, 1827, 1841, 1845, 1864 годах (письмо Валдемара) почти буквально цитируется в передовице «Москвы» от 13 сентября 1867 года: «Протест при Сигизмунде III в 1604 году, против Северного договора, при шведской королеве Христине, протест в 1786 году, при введении нового городского положения; протест в 1811 году против приказа ввести правильную денежную отчетность; протест в 1827 и 1841 годах против обязанности составлять правильные городские бюджеты; протест в 1845мгоду, в 1864 году; протест против гласного судопроизводства; постоянный непрерывный протест против права русского быть одинаково русским во всей империи, не исключая Риги и Ревеля; постоянный, непрерывный протест против полноправности гражданской и человеческой природы латыша и эстонца, протест против всего, посягающего на целостность стеснительных для края привилегий, протест против полезного, благотворного и желанного для туземного населения!..»

Таких цитирований «Рижских писем» и других произведений Валдемара в передовицах Аксакова можно отыскать немало. Разумеется, московский журналист не ограничивается голыми и вопиющими фактами Валдемара, но развивает их, комментирует со всей своей эмоциональной страстностью, делает из фактов Валдемара глубокие политические и идеологические выводы и заключения.

Иногда цитирование идей Валдемара Аксаковым происходит при посредничестве какого-либо третьего автора. Так произошло с попыткой Аксакова выяснить, «кого считать коренным жителем Остзейского края». В передовице «Москвы» от 21 сентября 1868 года цитируется фрагмент из «Окраин России» Юрия Самарина, именно такие его фразы: «Вообще, относительно быта русских в Прибалтийском крае едва ли не следует принимать в уважение, что они образуют в нем не природный слой населения, а младшее, по порядку времени из двух колонизированных племен». Эти слова снабжены примечанием Ю. Самарина: «Старший слой, стало быть, латыши и эсты; а соответствует ли их положение этому праву старшинства? Этот парадоксальный вопрос и ответ на него, по нашему мнению, заимствован Юрием Самариним у Валдемара. У славянофилов и Валдемара этот вопрос встал с особой остротой в связи с тем, что остзейские власти не допускали русских в Рижский

магистрат и гильдии, мотивируя, как уже отмечалось, это тем, что в магистрате и гильдиях уместно пребывать только «старшим» обитателям края. В этой связи Валдемар, а вслед за ним и его славянофильские единомышленники недоумевают: не являются ли все же «старшими обитателями края латыши и эстонцы, в то время как немцы – не более как пришельцы-колонизаторы. местных жителей отказаться от своего языка из-за пришельцев, ибо пришельцы прибыли сюда только из-за своей выгоды». По поводу этих слов Валдемар восклицает: «Эти слова я золотыми буквами написал бы на фронтоне дома Рижского магистрата». Ведь пришельцами-то прежде всего следует назвать немцев, которые прибыли сюда только из-за своей выгоды и совсем не желали «выучить язык местных жителей», а старались заставлять их учить немецкий язык, отказавшись от своего.

Даже и там, где цитат и прямых соответствий с валдемаровскими статьями мы не находим, присутствие его бесспорно. Так, в передовице «Москвы» от 25 июля 1868 года Аксаков рассказывает о положении остзейских крестьян. Не обходится без элементов, навеянных статьями Валдемара.

«...И вот целыми семьями нищих идут латыши из большой лифляндской мызы Дундаген; не зная пути, не ведая веста и цели, странствуют они на поисках лучшего. Легковерными, неблагодарными обзовут их редакторы немецких газет, и сыщут подстрекателей какого-нибудь солдата Сим Ваню, который, по уверению вестфальского мужа Мейера, будто бы подбил и жителей Даго. Как сделал другой лифляндский помещик (см. № 149 «Московских ведомостей») требует экзекуции, на свой страх».

Сотрудничество Валдемара с Катковым продолжалось до 1886 года. Иван Аксаков не забывает о латышах также до 80-х годов. Именно в эти годы уже в аксаковской газете «Русь» в передовице от 15 июня 1884 года снова встречаемся с делами и идеями младолатышей.

«...Общеведомы и памяты «гонения на латышей», последовавшие в тех же шестидесятих годах, причем больше всего досталось на долю известных своею преданностью России и самых почтенных туземцев, каковы: К. Безбардис, Э. Динсберг, Х. Вальдемар, Х. Барон и другие. Еще несколько лет тому назад, когда вследствие некоторых, впрочем, не очень значительных, законодательных мер, курляндские латыши в привиндавских местностях, по видимому, немного ободрились, повторялись снова и «суммарные наказания», причем особенно пострадал К. Динсберг, Нейман и крестьянин Крист Давид, деятельный русско-туземный, но не немецкий патриотизм которого могла низложить меткая пуля не раскрытого, разумеется, местного злодея, – о чем в свое время было рассказано в «Руси»... Теперь снова стремятся латыши и эсты к переходу в православие...»

¹ «День» 15. X.11 1862. № 50.

² См. С. Исаков, упом. Работа, с. 25-26.